

кассеты Крайга 1973, 2/10

ОСТАНОВИТЕСЬ В РАЗДУМЬЕ

НАЗВАНИЕ фильма. Сразу крупно — имя актера. И это естественно. Издавна так повелось, что зритель идет смотреть «своего актера». Восхищается удачной ролью и снисходителен к его творческим потерям. Неудачи списываются на сценариста, режиссера, оператора. А актер — он ведь исполнитель их воли. Но всегда ли это так?

Я люблю актера Евгения Евстигнеева. Каждый фильм с его участием для меня ожидание чуда. В большинстве случаев эти ожидания сбываются. Мне кажется, что творческий диапазон актера не до конца осознан как режиссурой, так и самим художником. Он способен подняться до высокой трагедии, потратить в психологической драме и быть предельно достоверным в эксцентрической комедии. Одно из отличительных свойств таланта актера — удивительно чуткое ощущение современности в высоком ее напряжении.

Сначала он играл героев обыкновенных, до удивительности узнаваемых. Это был не только художественный принцип ранних работ театра «Современник», с которым он связал свою судьбу на долгие годы, но и в значительной степени — направленность искусства тех лет. Сосед по квартире, парень с нашей улицы, человек из толпы. Внимание к будничному, обычному отличало многие фильмы, спектакли того вре-

мени. Через несколько лет Евстигнеев сыграл Дынина в фильме «Добро пожаловать...». Та же пронзительная узнаваемость характера, та же удивительная актерская раскрепощенность. Но было в этой роли едва уловимое «чуть-чуть», которое превращало бытовую персонаж в тип социальный.

У актера оказалось обостренное чувство социальной ответственности, открытый общественный темперамент. Именно то, что отличает поиски современного киноискусства. Актер должен уметь оправдать любое преувеличение, обнаженность ситуации. Социальный накал сегодняшнего мира очевидно требует от искусства открытых страстей. В русле этих требований — талант Евгения Евстигнеева.

Но какие роли порой выбирает сам актер или какие роли выбирают его? Например, художник в фильме «Дача». Роль заведомо «проходная» в биографии Евстигнеева. Он сыграл ее профессионально, забавно, с определенной достоверностью. И вместе с тем остается ощущение, что мы все это уже видели в других фильмах, спектаклях. Случайные совпадения? Может

быть. Но, к сожалению, в таких случайностях усматривается закономерность.

Показывали телевизионный фильм «На дне». Евстигнеев — Сатин. Усталый, диничный, разуверившийся. Приближенные к нам магией телевизионные глаза актера позволяли узнать о его герое даже больше, чем в театре. Крупный план оставлял нас один на один с духовным миром Сатина. Личностью несостоявшейся, человеком «поконченным». Правда, иногда мелькает в его глазах искра участия и угаснет, не разгоревшись. Вот Сатин отправляется в трактир — место отдохновения. Его походка пародийно величественная, так, очевидно, на старой сцене выгивали благородные герои. Вот это несоответствие формы и сути делает фигуру Сатина поистине трагической.

И опять по экрану движется человек в длинном пальто, как у Сатина, пальто. Ходит он, нелепо шаркая ногами. Это незадачливый хозяин счастливой «Шуки». Его исполняет Евстигнеев. Этот персонаж отмечен в картине скудной, чисто внешней характерностью.

Пустячок — о нем, может

быть, и не стоило бы вспоминать. Но ничто в искусстве, как и в жизни, не проходит бесследно. Когда-то найденные выразительные детали от частого повторения становятся штампами, вместо живого биения страстей — всего лишь апробированная внешняя форма.

Вот еще одна роль — профессор Шлейшнер в фильме «Семнадцать мгновений весны». Во всех рецензиях на этот фильм в адрес Евстигнеева были сказаны добрые слова. И они справедливы. И поэтому особенно обидно, что в некоторых эпизодах актер повторяет пройденное. Длинный проход профессора по швейцарскому городу. На среднем плане мы видим нелепо протанцевавшую фигурку в длинном пальто. Это чисто внешняя эксцентрика разрушает логику характера, напряженный драматизм ситуации.

Быть может, мои суждения могут показаться придирчивыми, более того — предвзятыми. Это действительно так. Но подобная предвзятость объясняется прежде всего любовью и уважением к актеру, тревогой за его талант. Если работа в фильме ничего не дает актеру, если ему при-

ходится растрачивать накопленное ранее, может наступить момент критический, когда искусство становится ремеслом. Я верю, что талант Евгения Евстигнеева откроется нам в самых неожиданных проявлениях, еще не раз в театре и в кино мы станем свидетелями истинного чуда его искусства. Но, чтобы подобное чудо случилось завтра, хорошо бы актеру сегодня остановиться в раздумье...

Популярность Армена Джигарханяна началась с фильма «Здравствуй, это я!» Кино принесло ему славу, успех, признание. Работа в театре утверждала его творческую репутацию.

Роль Левинсона в спектакле «Разгром» показала, что актеру доступны самые разные краски — лирические, публицистические, трагические. И каждое его появление в новом спектакле всегда отмечено глубокой мыслью, подлинной страстью и удивительной актерской заразительностью. Джигарханян работает на сцене с полной творческой отдачей, с постоянным ощущением зрительного зала, контакта с ним. Он не позволяет себе прийти на спектакль внутренне пустым.

Театр — его главное дело, и в нем он не терпит суеты.

А кино? Муза, которая принесла ему популярность у миллионов зрителей? С ней он в более «панибратских отношениях». Хотя кино- и телепремьеры у Джигарханяна намного больше, чем театральных — пожалуй, ни одна роль последних лет не стала событием в творческой биографии артиста. Многие для него были, в общем-то, совсем необязательны, если судить именно с позиций высокого искусства. Хотя бы Кочарян в фильме «Человек на своем месте». Это всего лишь схема характера «современного делового человека. Актерская заведомость, видимость человеческой значительности. Вряд ли другой актер сыграл бы лучше — роль всего лишь функциональная. Но все это было очевидно и в сценарии.

Как ясно было и то, что даже талант Донатаса Баниониса не сможет вложить жизнь в характер Шеркниса (фильм «Командир счастливой «Шуки»). Герою не отпущено в фильме ни действии, ни размышлений, он становится бледной копией главного героя, вокруг которого раз-

ворачивается напряженный сюжет. Зачем было соглашаться на запланированную неудачу?

НА ЭТИ «зачем» и «почему» ответить однозначно невозможно. В каждом случае мотивы разные. Бывает, актер считает, что его талант может спасти роль безнадёжную. Как правило, подобные предположения не оправдываются. Подчас неудобно отказать знакомому режиссеру. Иногда бесконечно занятие в театре, они соглашаются сняться в нескольких эпизодах, поскольку это легче, чем выступить в главной роли. Во всех названных случаях художники забывают о главном — о тех потерях, которые наносят их таланту.

Сегодня я говорю об актерах, для которых театр — главная работа. Было бы ханжеством предъявлять те же требования к киноактерам. Они вынуждены браться за заведомо плохие роли, чтобы не потерять творческую форму. Но все-таки многие художники сумели сохранить свою актерскую репутацию совершенно безупречно. Вспомним хотя бы Иннокентия Смоктуновского. Долгое время его судьба была связана лишь с кинематографом. Одни роли были более удачные, другие — менее, но в каждой угадывалось направление поиска. Вот хотя бы эпизодическая роль в фильме «Живой труп». Смоктунов-

ский играл случайного знакомого Протасова, который считал правильным решение героя стать самоубийцей. Смоктуновский изобразил эдакого провинциального демона, гордого своей причастностью к трагическому. Отсюда колоритная внешность, театральная жест, многозначительная интонация. Быть может, биографы актера сочтут эпизод случайным, незначительным в его творчестве. Все так, но была в этом персонаже какая-то вызывающая неожиданность.

ГОВОРЯ о сегодняшнем положении актерского дела, Алексей Баталов позволил себе горькое признание. «Падает акция актера. Это видно по тому, как публика встречает артистов. Отношение стало прохладнее. Вместо прежней восторженности ощущается чувство настороженности. Актеры перестали быть в представлении зрителей прекрасными возвышенными людьми. Раньше для актера было заветной мечтой сняться в кино — выиграл по трамвайному билету. А теперь кинематограф для некоторых стал отхожим промыслом».

Конечно, было бы несправедливым в недостатках нашего кинематографа винить только актеров. Мера вины, быть может, у них самая малая. Но она есть.

М. КВАСНЕЦКАЯ.